

DOI 10.23859/1994-0637-2017-3-78-8
УДК 81

© Грудева Е.В., Соловьева С.А., 2017

Грудева Елена Валерьевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: emiva@yandex.ru

Grudeva Elena Valerievna

D. Sc. in Philology, Professor,
Cherepovets state university
(Cherepovets, Russia)
E-mail: emiva@yandex.ru

Соловьева Светлана Александровна

Кандидат филологических наук, доцент
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: ssa_doc@mail.ru

Solovyeva Svetlana Aleksandrovna

PhD (Philology), associate professor,
Cherepovets state university
(Cherepovets, Russia)
E-mail: ssa_doc@mail.ru

**СИТУАЦИЯ НЕУПРАВЛЯЕМОСТИ
И ЕЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ
ВЫРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ
Б. ПАСТЕРНАКА**

**SYNTAX
UNCONTROLLABILITY
IN THE PROSE
OF BORIS PASTERNAK**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языкового выражения ситуации неуправляемости действия в прозе Бориса Пастернака. Основными способами выражения ситуации неуправляемости становятся пассив, безличность, неопределенность и неполнота. Семантика неуправляемости может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно.

Abstract. The article discusses the features of linguistic expression of the situation of uncontrolled action. The main ways of expression are passive, impersonality and incompleteness. Semantics uncontrollability may be expressed either directly or indirectly.

Ключевые слова: пассив, безагентивный пассив, агенс, псевдоагенса, декаузатив, синтаксическая валентность

Keywords: passive, non-agentive passive, agents, psevdagents, decausative, syntactic valence

Введение

В русском языке существует тенденция к элиминации актантных отношений [3], [4] и представлению действия как самодовлеющего, независимого от человека события [1, с. 798]. Событие представляется как самодовлеющий этап течения жизни, а не акт деятельности. Оно творится личностями, но само безлично. Событие не создается человеком, человек в него вовлекается. Эта особенность в изображении событий наиболее полно соответствует прозе Б. Пастернака.

В системе языка существует достаточное количество средств и приемов выражения отношений дезактивации, которые неоднократно становились объектом научного исследования [2], [5], [6], [7].

Основная часть

Пассив, безличность, неопределенность и неполнота оказываются тесно связанными в тексте. Варианты такого взаимодействия могут быть различными. Наибольший интерес для нас представляют ситуации, когда действие осуществляется или не

осуществляется с помощью силы, которой отдается человек (стихия). При этом человек не имеет власти над ситуацией, не может ее контролировать и в результате подчиняется действию некоторой силы.

В случае пассива действия человека приводятся в соответствие с положением дел – внешним и внутренним. Если действия выходят из-под контроля, актуализируется активность некой стихийной силы, и человек приравнивается к природе, а его действия приобретают характеристики стихийности.

Согласно концепции Н.Д. Арутюновой, в когнитивную модель, соответствующую неуправляемому действию, входят три компонента: лицо (псевдоагенс), действие и действующая сила, которая может иметь различный вид. Псевдоагенс может отсутствовать или занимать зависимую позицию. Если действие переходное, то в модели присутствует объект. Это касается прежде всего ментальных и речевых действий, особенно предрасположенных выходить из-под контроля [1, с. 806].

Семантика неконтролируемости действия на грамматическом уровне тесно связана с возвратностью. *«К отъездам отца дети привыкли с самого рождения настолько, что в их глазах превратилось в особую отрасль отцовства редко обедать и никогда не ужинать. Но все чаще и чаще игралось и вздорилось, нилось и елось в совершенно пустых, торжественно безлюдных комнатах, и холодные поучения англичанки не могли заменить присутствия матери, наполнявшей дом сладкой тягостностью запальчивости и упорства, как каким-то родным электричеством»* [8, с. 82].

Особую значимость приобретает ряд однородных предикатов второго предложения, вводимого в текст противительным союзом *НО*. Их грамматические характеристики, безусловно, значимы, но их общее контекстуальное значение – состояние (безличное предложение). Глаголы *нилось, елось, игралось, вздорилось* потенциально допускают характеристику само собой происходящих событий, контекстуально усиливаемую наречием *чаще и чаще*. Формально это безагентивный пассив. На уровне контекста субъект (пациентивное подлежащее) восстанавливается достаточно легко (*дети*). Формируется ситуация, при которой действия субъекта приводятся в соответствие с текущим положением дел. Потенциальная конфликтность с внешними обстоятельствами снимается темпоральным показателем (*Но все чаще и чаще*).

Семантика неконтролируемости может дополняться модально-волевыми и ментальными характеристиками контролируемости /неконтролируемости, фазовостью, устойчивостью-неустойчивостью признаков, параметрами денотации/ интерпретации.

«Сначала, случалось, они плакали; потом, после одной особенно резкой вспышки, стали бояться; затем, с течением лет это перешло у них в затаенную, все глубже укоренявшуюся неприязнь.

Все, что шло от родителей к детям, приходило невпопад, со стороны, вызванное не ими, но какими-то посторонними причинами, и отдавало далекостью, как это всегда бывает, и загадкой, как, ночами, нытье по заставам, когда все ложатся» [8, с. 83].

Взаимодействие контролируемости и неконтролируемости может происходить на разных этапах. В этом случае нарушение условий контролируемости, очевидно, связано с отсутствием, недостаточностью ресурсов, невозможностью что-либо изменить. Стихийный каузатор при этом контекстуально выражен: *какие-то посторонние причины*. При этом субъект имеет представление о них и не избегает их воздействия.

Часто степень контролируемости не может быть установлена вовсе: *«Случилось так, что лето подобралось четырнадцатого года, и это обстоятельство наруши-*

ло все расчеты. На это лето нельзя было глядеть, всасывая заволоченными глазами усыпительную явственность, а приходилось думать, переносясь от воспоминанья к воспоминанью» [8, с. 145]. Здесь неуправляемое действие не производится, а происходит независимо от воли субъекта действия. Это обусловлено особенностью ментальных действий. Наличие безличной конструкции лишь усиливает эту семантику.

Особое внимание заслуживают случаи, когда категории контролируемости и неконтролируемости получают различную интерпретацию с точки зрения повествователя и наблюдаемого им экспериментера: *«На улице – говор. Гейне спит. Сейчас он проснется. Сейчас Гейне вскочит, помяните мое слово. Сейчас. Дайте ему только до конца доглядеть последний обрывок сновиденья... Кто-то нетерпеливо, с остервенением стучится в дверь, Гейне спросонья, взлохмаченный, во хмелю еще, хватается за халат»* [8, с. 68].

В контексте модального значения уверенности (*помяните мое слово*) участник действия является объектом воздействия говорящего, с ним нечто должно произойти, несмотря на усилия субъекта речи, само собой, посредством влияния внешней силы.

Семантика неконтролируемости может быть выражена не только эксплицитно. *«Было ветрено. С домков и заборов слетали их очертанья, как чайки с решет, и зыбились и трепались в рытом воздухе. Пахло картошкой. Их извозчик выбрался из череды подсакивавших спереди корзин и задков и стал обгонять их. Они издали узнали полк со своим багажом; поравнялись; Ульяша что-то громко кричала барыне с возу, но гогот колес ее покрывал, и она тряслась и подсакивала, и подсакивал ее голос»* [8, с. 75]. В контексте безличного предложения, семантически обуславливающего причину происходящего (так как был ветер), последующее формально становится проницаемым к контексту *само собой* и семантике стихийности действия.

Семантика неконтролируемости, формально выраженная конструкциями с безагентивным пассивом (модель с неодушевленным субъектом), часто приобретает оттенок внезапности и стихийности действия:

*«От жара разохшееся колесо **раскалывается вдруг** по самую ступицу, спицы выпирают пучком перекушенных колышков, тележка со стуком, с грохотом падает набок, кипы газет вываливаются. Толпа, парасоли, витрины, маркизы. Газетчика на носилках несут – аптека совсем поблизости»* [8, с. 68] (1).

*«Во второй половине ночи ему стали являться короткие, быстро сменяющиеся сновидения из времен детства, толковые и богатые подробностями, которые легко было принять за правду. Так например, висевшая во сне на стене мамина акварель итальянского взморья **вдруг оборвалась**, упала на пол и звоном разбившегося стекла разбудила Юрия Андреевича»* [9, с. 491] (2).

В данном случае речь идет о результате воздействия на объект имплицитно представленной причиной. Необходимо обратить внимание на близость предложений с причинным компонентом к субъектно-объектным предложениям, поскольку субъект и объект обычно связаны между собой отношением, в котором просматривается и причинно-следственная взаимосвязь. По мнению Д.И. Коломацкого, отсутствие синтаксической валентности, ложный актант, который мы можем восстановить из ближайшего контекста (1), стирает грань между декаузативом и пассивом [5]. Возможно, в случае изолированного употребления эти отношения становятся трудно различимыми. Однако, учитывая роль контекста, сам пассив становится причиной последовательной цепи других событий, формально представленных бессоюзным сложным предложением открытой структуры или рядом однородных сказуемых. Это лишь усиливает семантику неконтролируемости ситуации.

В том случае, если мы имеем дело с безличностью (*дышалось*) и семантикой состояния, причинность не уничтожается, но становится вторичной. Возвратный предикат при этом указывает на то, что субъект действия испытывает то же состояние, но, в силу особенностей пространственной позиции наблюдателя или же в силу особенностей его психологического состояния, не входит в поле зрения (взгляд сосредоточен на объекте): *«От черного ее сгорания еще тяжелее дышалось в душных и без того проходах, под пыльными платанами; ко всему еще знойный, маслянистый блеск ее довершали рассыпные снопы звезд и пучки колючих туманностей. Искры эти переполняли чашу терпения итальянцев; с жарким фанатизмом произнося свои ругательства, словно бы это молитвы были, отирали они при первом же взгляде на Кассиопею грязный пот со лбов. Носовые платки мелькали впотьмах, как сотрясаемые термометры»* [8, с. 55].

В случаях, когда в роли субъекта действия выступает какой-то неопределенный субъект, сознание может объяснять происходящее действием неизвестной силы:

«И что-то в ней перевернулось, дав волю слезам в тот самый миг, как мать вышла у ней в воспоминаниях: страдающей, оставшейся стоять в веренице вчерашних фактов, как в толпе провожающих и крутимой там, позади, поездом времени, уносящим Женю» [8, с. 89].

Использование неопределенного местоимения усиливает неконтролируемость происходящего, человек теряет власть над ситуацией, не может ее контролировать и подчиняется действию некоторой силы.

Безагентивный пассив вместе с семантикой неконтролируемости может реализовывать и прагматическую функцию. *«Он говорил, что это прекрасный европейский город и звонил, когда надо было убрать и подать еще что-то, и звонил, и рассказывал. И по неизвестным ходам из еще неизвестных комнат входила бесшумная белая горничная, вся крахмально-сборчатая и черненькая, ей говорились "вы" и, новая, — она, как знакомым, улыбалась барыне и детям. И ей отдавались какие-то приказания насчет Ульяши, которая находилась там, в неизвестной и, вероятно, очень-очень темной кухне, где, наверное, есть окно, из которого видно что-нибудь новое: колокольню какую-нибудь или улицу, или птиц. И Ульяша, верно, спрашивает сейчас там эту барышню, надевая что похуже, чтобы потом заняться раскладкой вещей; спрашивает, и осваивается, и смотрит, в каком углу печь, в том ли, как в Перми»* [8, с. 98].

В силу особенностей пространственной позиции наблюдателя или же в силу особенностей его психологического состояния субъект не входит в поле зрения наблюдателя и его взгляд сосредоточен на объекте, на чем-то новом и неизвестном, точнее странном. Взаимодействие контролируемости и неконтролируемости происходит на разных этапах восприятия ситуации по-разному: обдумывание, наблюдение, предположение.

Выводы

Использование пассивных неагентивных конструкций в анализируемых текстах Б. Пастернака, неопределенность признака, модальность кажимости, маркеры внезапности, часто употребляющиеся совместно, довольно часто представляют событие не как акт деятельности, а как самодовлеющий этап течения жизни. Герой чаще вовлекается в событие, а не создает его. В результате этого развитие событий часто не контролируется. События совершаются сами собой. Это во многом объясняет особенности структурной организации прозы Пастернака.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
2. Гаврилова В.И. К вопросу о выражении диатезы «объектный квазипассив» в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 203–208.
3. Грудева Е.В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. Череповец, 2007. 256 с.
4. Грудева Е.В. Редукция и эллипсис приглагольных актантов в современном русском языке: вероятностный подход // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина: Научный журнал. Сер.: Филология. 2008. № 2 (12). С. 147–155.
5. Коломацкий Д.И. Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 28 с.
6. Мельникова К.А. Семантические классы возвратных глаголов «действие» // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2003. №8. С. 19–29.
7. Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1. С. 52–79.
8. Пастернак Б. Сочинения: в 2 т. Тула, 1993. Т. 2. 378 с.
9. Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 2016. 603 с.

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of man]. Moscow, 1999. 896 p.
2. Gavrilova V.I. K voprosu o vyrazhenii diatezy «ob"ektnyi kvazipassiv» v russkom iazyke [To the question of expressing diathesis "object quasipassive" in Russian]. *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga* [Problems of the theory of grammatical voice]. Leningrad, 1978, pp. 203–208.
3. Grudeva E.V. *Izbytochnost' i ehllipsis v russkom pis'mennom tekste* [Redundancy and ellipsis in Russian written text]. Cherepovec, 2007. 256 p.
4. Grudeva E.V. Redukciia i ehllipsis priglagoľnyh aktantov v sovremennom russkom iazyke: veroyatnostnyi podhod [Reduction and ellipsis of smooth-bodied actants in modern Russian: a probabilistic approach]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina: Nauchnyi zhurnal. Seriya «Filologiya»* [Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin: Scientific journal. Series «Philology»], 2008, no. 2 (12), pp. 147–155.
5. Kolomackii D.I. *Distribuciia russkikh passivnykh form: korpusnoe issledovanie: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Distribution of Russian passive forms: case study. Dr. dis.]. Moscow, 2009. 28 p.
6. Mel'nikova K.A. Semanticheskie klassy vozvratnykh glagolov «deistvie» [Semantic classes of return verbs «action»]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and technical information. Series 2: Information Processes and Systems], 2003, no. 8, pp. 19–29.
7. Paducheva E.V. *Kauzativnyj glagol i dekauzativ v russkom yazyke* [Causative verb and decauzativ in Russian]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian in scientific coverage]. Moscow, 2001, no 1, pp. 52–79.
8. Pasternak B. *Sochineniia v dvuh tomah* [Works in two volumes]. Tula, 1993. Vol. 2. 378 p.
9. Pasternak B. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow, 2016. 603 p.

Грудева Е.В., Соловьева С.А. Ситуация неуправляемости и ее синтаксическое выражение в прозе Б. Пастернака // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №3(78). С. 70–74.

For citation: Grudeva E.V., Solovyeva S.A. Syntax uncontrollability in the prose of Boris Pasternak. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 3 (78), pp. 70–74.